

Алиса

Автор:

Кристина Генри

Алиса

Кристина Генри

Злые сказки Кристины Генри

В лабиринте разрушающихся зданий, называемом Старым городом, где живут отчаявшиеся люди, стоит больница с бетонными стенами, от которых отражаются крики бедняг, запертых внутри.

В больнице есть женщина. Ее когда-то светлые волосы болтаются колтунами. Она не помнит, почему оказалась в таком ужасном месте. Только давнее чаепитие, и длинные уши, и кровь...

Но однажды ночью пожар в больнице дает женщине шанс сбежать, выпрыгнув из норы, которая удерживала ее в заключении. Шанс раскрыть правду о том, что же произошло многие годы назад.

Только женщина – не единственная беглянка. Что-то еще выбралось на свободу. Темное. Мощное. И чтобы узнать правду, женщине придется преследовать этого зверя до самого сердца Старого города, где кролик ждет свою Алису.

Кристина Генри

Алиса

Глава первая

Если запрокинуть голову, пока не упруешься затылком в стену, и чуть наклонить влево, сквозь решетку виднеется краешек луны. Самый краешек, серебристый, он будто совсем рядом, так бы и укусила. Ломтик сыра, кусочек торта, чашечка чаю, как принято в гостях. Однажды ее уже поили чаем, кто-то длинноруким с голубовато-зелеными глазами. Как ни странно, она не помнила его лица. Воспоминания о нем были смутные, как в тумане, вырисовывались лишь глаза и уши, такие длинные и пушистые.

Когда ее нашли, то не смогли добиться ничего, кроме единственного слова:

– Кролик. Кролик. Кролик.

И так без конца.

Вот и решили, что она сошла с ума. Алиса знала, что не рехнулась. Может, самую малость, но не совсем. Но от порошков, которыми ее пичкали, перед глазами все плыло и кружилось, навевая мысли о безумии.

Когда к ней наконец помимо слова «кролик» вернулись и другие слова, все оказалось в точности так, как она рассказала. Они с Дор отправились в Старый город отмечать день рождения. Дор исполнилось шестнадцать. Шестнадцать свечек тебе, моя милая, кусочек торта и чашечку чаю. Уходили они вместе, но вернулась только Алиса. Она объявилась две недели спустя в платье с чужого плеча, вся в крови, бормоча про чай и кролика. По ногам еще текла кровь, а бедра были сплошь в синяках от чьих-то пальцев.

Алиса машинально потрогала длинный широкий шрам на левой щеке, который тянулся по скуле от виска до верхней губы. Когда ее нашли, рваная рана была уже не свежей, сочащаяся кровь запеклась на ней жуткой черной коркой. Где и как она поранилась, так и осталось загадкой. Врачи сделали все, что смогли – так они сказали родителям, но прежнюю красоту было не вернуть.

Сестра же заметила, что сама, мол, виновата. Держалась бы подальше от Старого города, как было велено, ничего бы такого не произошло.

Не зря же они жили в Новом городе, как бы отмежевавшемся от Старого кольцом новеньких сверкающих зданий. Старый город – для всякого отребья, приличным горожанам там не место. Детей обычно предупреждали, что соваться в Старый город опасно. И Алисе там делать нечего.

Больница, где Алиса провела последние десять лет, располагалась в Старом городе. Сестра ошибалась, Алиса в Старом городе была своей.

Изредка, будто отбывая повинность, ее навещали родители, морщились как от дурного запаха, хотя перед каждой встречей санитарки волокли Алису в ненавистную ей душевую. Вода была ледяной, скребли нещадно до боли и никогда не позволяли помыться самой.

Когда Алиса упиралась или кричала, ее лупили щеткой или щипали аж до синяков, причем так, чтобы они не бросались в глаза – за грудь или внизу живота, угрожая добавить, если не образумится.

Теперь родители совсем не показывались. Алиса даже не могла припомнить последнюю встречу, так давно это было. Серые будни медленно тянулись однообразной чередой, книг ей не приносили и заняться было решительно нечем. Тесак предложил тренировки, чтобы не потерять форму, когда она выйдет из больницы, но Алиса в глубине души подозревала, что воли ей не видать. Она была сломлена, а Новый город обломков не принимал. Только целое, с иголочки. Алиса едва помнила те времена, когда была цела и невредима. Казалось, та девчонка – совершенно другой человек, просто какая-то давняя знакомая.

– Алиса? – раздался голос из мышиной норы.

Много лет назад в стене завелась мышь и прогрызла дырку между комнатами Алисы и Тесака. Куда делась эта мышь – неизвестно. Может, попалась в мышеловку на кухне или упала в реку и утонула. Но мышь познакомила ее с Тесаком, грубый голос которого слышался из-за стены. Поначалу Алиса и впрямь решила, что свихнулась, раз мерещатся какие-то голоса.

– Эй, ты, – позвал голос.

Дико озираясь по сторонам, она в ужасе забилась в угол подальше от окна и двери.

– Эй ты. Вниз посмотри, – сказал голос.

Алиса решительно заткнула уши. Слышать голоса – признак помешательства, это общеизвестный факт, а она себе обещала оставаться в здравом уме, что бы там ни говорили, как бы ни было трудно. После нескольких секунд блаженной тишины она опустила руки и уже спокойнее огляделась.

За стеной послышался тяжкий вздох:

– В мышиную нору, балда.

Алиса с тревогой уставилась на небольшое отверстие в противоположном углу. Пожалуй, говорящая мышь будет даже похлеще голосов в голове. Если бывают говорящие мыши, то люди с голубовато-зелеными глазами и длинными пушистыми ушами и подавно. И хоть она не помнила лица, страх в памяти засел накрепко. Она уставилась на мышиную нору, словно ожидая, что оттуда явится какая-нибудь жуткая тварь, или вылезет Кролик, чтобы завершить когда-то начатое.

Еще вздох, резкий, нетерпеливый.

– Да ни черта тебе не мерещится, и никакой мыши тут нет. Это я, в соседней палате, и я тебя вижу через дырку. Ты не чокнулась, это не магия, ну пожалуйста, подойди поближе, давай поговорим, пока я окончательно не взбесился!

– Если это не магия, и ты мне не мерещишься, откуда ты знаешь, о чем я думаю? – подозрительно спросила Алиса.

А вдруг это козни врачей, не заманивают ли ее в ловушку?

С завтраком и обедом ей давали какие-то порошки, так называемое «успокоительное». Но даже после них в ней оставалась частичка прежней Алисы, способной задуматься, помечтать, пытаться вспомнить забытые

фрагменты жизни. Когда ее выводили из комнаты в душевую или на свидание с родственниками, изредка на глаза попадались другие пациенты, застывшие, с пустыми глазами, пускающие слюни, вроде живые, но совершенно безучастные. Так называемые «тяжелые». Им вместо порошков делали уколы. Алиса боялась уколов, поэтому старалась ничем не привлекать внимания врачей. Тех самых, что могли заманивать голосами за стеной.

– Я угадываю мысли, потому что на твоём месте думал бы так же, – сказал голос. – Мы ведь в психушке. Ну подойди, загляни в дырку – сама увидишь.

Алиса осторожно поднялась, все еще в сомнениях, вдруг это галлюцинация или проделки врачей, прошла под окном и присела у мышиной норки.

– Так только колени видно, – посетовал голос. – Опустись на пол, пожалуйста.

Алиса легла на живот, держа голову подальше от стены, опасаясь, что из дыры выскочит спица и вонзится ей в глаз.

Прижавшись щекой к полу, она заглянула в узкое отверстие. На той стороне показался свинцово-серый глаз и часть носа с горбинкой. Дальше видно не было, но, судя по всему, этот нос когда-то был сломан.

Никого из знакомых врачей человек не напоминал, но Алиса рисковать не хотела.

– Покажи все лицо, – попросила она.

– Ага, соображаешь, – одобрил серый глаз. – Хорошо. Значит, не просто смазливая мордашка.

Алиса машинально потянулась прикрыть шрам рукою и только тогда вспомнила, что та щека прижата к полу, и его все равно не видно.

Ну и пусть думает, что она симпатичная, раз ему так хочется. Все-таки приятно хоть кому-то показаться симпатичной даже с нечесаными волосами и в шерстяном балахоне на голое тело. Послышалось шуршание шерсти по обивке стены, серый глаз отпрянул от дыры, и появился второй, а с ними длинный

перебитый нос и густая черная борода с проседью.

– Ну как, видно? – спросил голос. – Я Тесак.

Так они и познакомились. Тесак был на десять лет старше Алисы, и его никто никогда не навещал.

– За что тебя сюда упекли? – однажды спросила она, когда они стали уже давними приятелями, хотя никогда по-настоящему друг друга не видели.

– Народу много порешил, – ответил он. – Топором. За это Тесаком и прозвали.

– А раньше как звали? – спросила Алиса.

Удивительно, но ее ничуть не потревожило открытие, что новый друг – убийца. Будто те серые глаза и хриплый голос за стеной теперь принадлежали совсем другому человеку.

– Не помню, – вздохнул он. – До того момента совсем ничего. Меня нашли с окровавленным топором в руке, а вокруг пять трупов, изрубленных на куски. Когда приехала полиция, я и на них набросился, так что, наверное, это моих рук дело.

– За что ты их?

– Не помню, – сказал он каким-то севшим голосом. – Словно пелена перед глазами, как будто все заволакивает черным дымом. Помню, как топор оттягивал руку, брызги теплой крови на лице и во рту. И тот звук, когда топор входит в плоть.

– Я тоже это помню, – вдруг ни с того ни с сего вырвалось у Алисы. Хотя на какое-то мгновение ей и правда померещился звук ножа, пронзающего кожу, этот хруст погружающегося лезвия, и чей-то крик.

– А ты много народу прикончила? – спросил он.

– Не знаю, – ответила Алиса. – Все может быть.

– Это ничего, я бы понял.

– Я правда не знаю, – повторила она. – Помню, что было до и после, но за те две недели просто какое-то затмение, одни обрывки.

– Тот тип с длинными ушами.

– Да, – подтвердила Алиса.

Тот самый, безликий, что являлся в кошмарных снах.

– Вот выберемся отсюда, найдем его, и тогда ты узнаешь, что с тобой случилось, – заверил Тесак.

С тех пор прошло восемь лет, но они по-прежнему томились взаперти в соседних палатах лечебницы, без всякой надежды выбраться на свободу.

– Алиса! – снова позвал Тесак. – Мне не спится.

Она отогнала воспоминания, навеянные луной и звуком его голоса.

– Мне тоже не спится, Тес, – ответила она, подползая к мышинной норе.

На полу было гораздо темнее. Освещения в палатах не было, только серебристый лунный свет сквозь решетки да редкие проблески фонаря в руках санитаров при обходе. В такой темноте цвета глаз было не различить, только влажный блеск.

– Алиса, Бармаглот проснулся, – сообщил Тесак тонким дрожащим голосом. Он редко давал слабинку, чаще храбрился, порой даже чересчур.

Целыми днями из его палаты доносилось натужное кряхтение, сопровождавшее тренировки. Каждый раз, когда санитары приходили за ним, чтобы отвести в душевую, без шума, ударов, возни и воплей не обходилось. Алиса не раз слышала хруст костей и ругань санитаров.

Однажды она спросила, почему ему не делают уколы, как другим буйным. Он только с усмешкой прищурился и заявил, что от уколов ему совсем крышу сносит, вот его и не трогают. Даже порошков не дают.

Тесак никогда никого не боялся, если не вспоминал про Бармаглота.

– Да нет никакого Бармаглота, Тес, – успокаивала его Алиса.

Когда-то он уже рассказывал об этом чудовище, но в последнее время вспоминал о нем все чаще.

– Ты в него не веришь, знаю. Но он здесь, Алиса. Его держат в подвале. Я чувствую, когда он пробуждается, – уверял Тесак.

Кроме страха в голосе слышалась мольба, и Алиса сдалась. В конце концов, верила же она в человека с кроличьими ушами, и Тесак принимал это как должное.

– Что ты чувствуешь? – поинтересовалась она.

– Чувствую, как тьма обступает со всех сторон, затмевая луну. Как кровь ручьями струится по стенам, а по улицам – целые реки. Как я оказываюсь у него в пасти. Так будет, если он вырвется на свободу, Алиса. Он томится здесь давно, дольше, чем ты или я.

– Но как можно поймать такое чудовище? – вслух изумлялась Алиса.

Тесак беспокойно завожился на полу. Она слышала, как он ворочался.

– Точно не скажу, – заговорил он, понизив голос, и ей пришлось напрячь слух. – Наверное, это дело рук волшебника.

– Волшебника? – переспросила Алиса.

Такой чуши она от него еще не слыхала.

– Волшебники на свете уж давно перевелись. Их изгнали или уничтожили много веков назад во времена Очищения. Это здание не такое древнее. Как волшебник мог поймать Бармаглота и заточить его здесь?

– На это способен только волшебник, – настаивал Тесак. – Простому человеку с ним не сладить.

Алиса мирилась с его фантазиями о чудовище в подвале, но выдумки про волшебников – это уже чересчур. Хотя что толку спорить? Порошков Тесак не принимал, уколов ему не делали, вот он и начинал иногда бузить – мог выть часами напролет или молотить по стене, разбивая в кровь кулаки.

Поэтому Алиса промолчала, слушая его неровное дыхание и стенания других пациентов, эхом разносящиеся по зданию.

– Жаль, что я не могу взять тебя за руку, – посетовал Тесак. – Я никогда не видел тебя целиком. Только частями через дырку. Я пытаюсь их сложить в единое целое в голове, чтобы представить тебя всю, но как-то не очень получается.

– А я тебя представляю просто серыми глазами с бородой, – поделилась Алиса.

Тесак тихо, но как-то безрадостно засмеялся.

– Как Кролика, только глаза и мех. Интересно, Алиса, если бы мы встретились на улице, поздоровались бы?

Она заколебалась. Не хотелось его обижать, но и врать тоже. Как ее родители. Они могли сказать:

– Ты прекрасно выглядишь. Скоро вернешься домой.

Но Алиса знала, что это ложь.

– Алиса? – снова позвал Тесак, отвлекая ее от раздумий.

– Не знаю, состоялась бы эта встреча, – осторожно сказала она. Ведь я жила в Новом городе, а ты... кажется, из Старого.

– А-а, фу-ты, ну-ты, – жестко протянул Тесак, – звезде не пристало мараться в Старом городе. А оно вишь как обернулось, вывозилась по уши. Теперь мы с тобой одного поля ягоды.

Сказал, будто кулаком врезал, у нее даже дыхание перехватило. Но он был прав, ничего не скажешь. Правда – это все, что у нее осталось. Только правда и Тесак.

– Да, – согласилась она, – мы оба здесь.

Оба надолго замолчали. Алиса затихла во тьме, наблюдая за ползущим по полу пятном лунного света. Похоже, Тесак сегодня ходил по лезвию ножа, не стоило его подталкивать.

– Прости, Алиса, – наконец сказал он, и снова стал похож на привычного знакомого Теса.

– Перестань... – начала она, но он перебил ее.

– Зря я такое ляпнул, – повинился он. – Алиса, ты мой единственный лучик света. Без тебя я бы давно тут загнулся. Просто Бармаглот проснулся, из-за него всякая дрянь в голову лезет.

– Как топор входит в плоть, – вспомнила она его слова.

– И теплая кровь на руках, – добавил Тесак. – Как вспомню – словно в себя прихожу. Словно вот такой я на самом деле.

– По крайней мере, у тебя хоть какие-то мысли на этот счет, – заключила Алиса. – А я так и не успела разобраться, в самом начале запуталась.

За стенкой снова слышалась возня.

– Меня словно клопы заели, – пожаловался он, – спой что-нибудь.

– Да я и песен не знаю, – удивилась она просьбе.

– Нет, знаешь, ты целый день ее напеваешь, а если не поешь, то мурлычешь. Что-то про мотылька.

– Мотылька? – переспросила она, и при этом слове сразу вспомнила, будто услышала мамин голос. Напоминание о навеки утраченной любви было таким мучительным, словно сердце пронзили насквозь. Она запела вслух, чтобы заглушить память собственным голосом:

Спи, мотылек,

Спи, мотылек,

День ушел отдыхать,

Спи, мотылек,

Спи, мотылек,

Скоро утро опять.

Глазки закрой и закутайся в ночь,

Страхи твои улетучатся прочь.

Спи, мотылек,

Спи, мотылек,

Скоро утро опять.

Горло сдавило от нахлынувшей тоски по утраченной любви, и она затихла. Тесак ничего не сказал, но она слышала, как он задышал ровно и глубоко, и прикрыла веки. Она подстроилась под ритм его дыхания, словно держала его за руку в окутавшей их ночи.

Алисе снилась кровь. Кровь на руках и под ногами, она заполнила рот и текла из глаз. Вся комната в крови. За дверью стоял Тесак, рука об руку с порожденной мраком омерзительной тварью со сверкающими серебристыми зубами.

– Не забирай его, – взмолилась Алиса или попыталась сказать, но, захлебываясь кровью, не могла вымолвить ни слова.

Потом глаза заволокло дымом, и Тес с чудовищем скрылись из виду. Тело окутало теплом, и ничего не осталось, кроме огня.

«Пожар, пожар!»

– Алиса, проснись! Больница горит!

Алиса разлепила веки. Тесак прижался вплотную к мышиной норе, дико сверкая глазом от страха и нетерпения.

– Ну наконец! – вскрикнул он. – Не поднимай голову, там все в дыму, и ползи к двери, только держись от нее сбоку.

Не успела Алиса и глазом моргнуть, как он исчез. Сон еще не отпускал ее, во рту пересохло. Рубашка прилипла к телу, лицо покрылось испариной. В голове наконец начало проясняться, и в нос ударил запах дыма вперемешку с другим... будто жареного мяса. Она старалась не думать, откуда он взялся.

Алиса перевернулась, распластавшись на спине, и над головой совсем близко увидела плотную дымовую завесу. Лежать на раскаленном полу было сущей пыткой, но деваться было некуда.

До нее доносились звуки. Треск пламени, грохот чего-то тяжелого, рухнувшего на землю. Ужасные, душераздирающие крики. А рядом – кряхтение и многократные удары всем телом о стену. Это Тес попытался выбить дверь. Алиса сомневалась, что ему это удастся. Стены, может, и мягкие, но двери-то железные. Он просто убьется. Шум стоял ужасный.

– Тесак, не надо! – кричала она, но он ее не слышал.

Потом что-то затрещало, но Тесак не подал голоса, и все стихло.

– Тесак, – позвала она тихим грустным голосом. Из глаз покатились слезы. Какой смысл вставать, если Тесак погиб. Судя по дыму и реву пламени, пожар разгорался не на шутку. Санитарам и врачам сейчас не до больных, они не станут их выпускать, особенно тех, чьи родственники были бы рады освободиться от обузы. Поэтому все сгорят.

Странно, но от этой мысли она даже не особо расстроилась. Наверное, из-за порошка, добавленного во вчерашний ужин, а может, просто угорела от дыма. Она совсем успокоилась и решила просто лежать на месте и ждать, пока до нее доберется огонь.

Она прикрыла глаза и мыслями унеслась прочь, туда, где ни разу не была на самом деле – к серебристому озеру в укромной ложине, утопающей в зелени, с полевыми цветами по берегам. Там не пахло лекарствами или противным едким мылом, не было ни дыма, ни боли, ни крови, и не щемило так сердце. В этом убежище она пряталась всякий раз, когда не хотелось отвечать на неприятные вопросы врачей или когда родители разочарованно вздыхали.

Вдруг кто-то схватил ее за плечи, и от неожиданности она распахнула глаза. Уже долгие годы к ней прикасались лишь затем, чтобы отвести в душевую. Над ней склонилось сердитое лицо Теса, из раны на его виске сочилась кровь.

– Сказал же, доберись до двери, дуреха, – проворчал он, встряхнув ее и перевернув на живот.

– За мной, – приказал он и пополз к выходу.

К распахнутой двери.

Она машинально подчинилась, стараясь не выпускать из виду голых грязных пяток. Ей хотелось узнать, как ему удалось выбраться, как он не расшибся насмерть. Но он с удивительным проворством выполз в коридор и дожидался ее там. В коридоре кроме них никого не было, лишь другие больные, оставшиеся взаперти, исступленно ломились в двери.

Только теперь она заметила, что он орудовал одной левой рукой, а правая была вевернута под неестественным углом и потому – безвольной.

– Тес, что с рукой? – спросила она.

Даже после недолгого напряжения она совсем выбилась из сил.

– Вывихнул, когда дверь высаживал, – пояснил он. – Потом вправлю. Сейчас некогда. Надо идти. Полы совсем раскалились, и он вот-вот выберется на свободу.

– Кто? – спросила Алиса.

– Бармаглот.

Он опять за свое.

– Тес, – прохрипела она, едва поспевая за ним. Легкие болели, а горло саднило: – Нам в другую сторону. Лестница сзади.

– Там все в огне, – сообщил он. – Я проверил. Придется выбираться другим способом.

– Но Тес... – сказала Алиса, мотая головой, чтобы прогнать дурноту. Все-таки наглоталась дыма: – Мы ведь на третьем этаже.

– Выберемся с обратной стороны, к реке. Не отставай, Алиса.

– Река? – встревоженно переспросила она.

С этой рекой что-то было не так, только не удавалось вспомнить, что именно.

В этот момент они миновали железную дверь, в которую с воплями бился один из больных. Смотровое окошко было скрыто клубами дыма, так что их побег наверняка остался незамеченным. Но, тем не менее, ее не покидало чувство вины.

– А как же остальные? – спросила она. – Может, их выпустить?

– У нас нет времени. И они будут нам обузой. Они безумны, их придется выводить за ручку, как малых детей. А что потом? Брать их с собой? Нет, Алиса, лучше оставить все, как есть. Надо уносить ноги, пока он не вырвался на свободу.

Как ни жестоко это прозвучало, он был прав. Не считая того бреда про Бармаглота. Пытаясь вызволить остальных, они сами окажутся в опасности.

Тесак добрался до конца коридора быстрее Алисы. Он упал на колени, и она заметила в его руке связку ключей.

– Откуда они у тебя? – спросила она.

– Одолжил у санитара наверху. А как бы я открыл твою дверь? – ответил он, по очереди вставляя ключи в замочную скважину.

– Но ведь когда мы выбрались, в коридоре никого не было.

– Я отобрал ключи и сбросил его с лестницы. Так и узнал, что она в огне.

На пятом ключе замок щелкнул, и Тесак распахнул дверь, жестом предлагая Алисе войти. Пока Тесак закрывал дверь, комната наполнилась клубами дыма, но как только открыли окно, он быстро рассеялся. В комнату ворвался спертый городской воздух. Но по сравнению с тем, чем Алисе приходилось дышать все эти годы – вонью немытых тел, опийной настойки, хлороформа, блевотины, крови вперемешку с запахом едкого мыла – этот воздух, отдающий копотью и помоями, казался чистым загородным ветерком.

Вдруг в окне снаружи появилась голова. Она принадлежала рыжему санитару с обручком вместо носа. При виде Тесака и Алисы он широко раскрыл глаза и полез в комнату.

Но едва он успел занести ногу над подоконником, как Тесак подскочил к нему и несколько раз от души врезал по лицу левым кулаком. Потом пнул в бок так, что хрустнули ребра, и, наконец, вытолкнул уже бесчувственное тело из окна, проводив взглядом его падение до самой реки.

Тесак удовлетворенно кивнул и посмотрел на Алису.

– Это я ему нос отгрыз. Видала? Специально вернулся, чтобы не дать нам выбраться. Он бы никогда не позволил нам уйти.

Глава вторая

Алиса кивнула. Точно не дал бы. Наверное, ее сознание помутилось от дыма – перед глазами все плыло.

– Там снаружи карниз, – сообщил Тесак.

Он отошел от окна, взялся левой рукой за правое запястье, прижал болтающуюся правую руку к стене и на глазах у Алисы проделал какую-то манипуляцию. Когда он повернулся, правая рука снова казалась нормальной. Тесак пошевелил пальцами, проверяя, слушаются они или нет. За все время он не издал ни звука, не подал виду, что ему больно, хотя Алисе и так это было ясно. Он протянул ей руку, приглашая подойти к окну.

Она подошла к нему и ахнула от удивления: Тес взял ее за руку. От этого прикосновения ее будто ударило электрическим током прямо в бешено заколотившееся сердце. Тесак сверкнул глазами и чуть сильнее стиснул ее руку.

В сумасшедшем доме ни к кому не прикасаются просто так, по-доброму, и Алиса понимала, что он потрясен не меньше нее.

Он молча выпустил ее руку и выбрался через окно на карниз. Алиса полезла следом, ведь деваться было некуда.

Перекинув ногу через подоконник, она поежилась от утреннего холода. Пожалуй, снаружи было не так уж холодно, но по сравнению с жаром пылающей больницы казалось, что там настоящий мороз.

Алиса высунула голову из окна и увидела карниз, на который ей предстояло выбраться. Внизу, так далеко, что становилось не по себе, текла мутная зловонная жижа. Увидев ее, Алиса погрузилась в воспоминания.

Тесак посторонился, освободив место на карнизе, и придерживал ее за пояс, пока она выбиралась наружу. Наконец они встали рядом, прижавшись спиной к кирпичной стене больницы. Карниз был такой узкий, что на нем едва умещались ступни Алисы. У Тесака пальцы ног свисали вниз, будто он хватался за край,

чтобы не упасть.

Он просто сиял от восторга.

– Мы выбрались, Алиса. Выбрались.

– Да, – согласилась она, хотя от вида реки энтузиазма у нее поубавилось.

На открытом воздухе в голове немного прояснилось, и ей казалось, что безопасней было бы спуститься по объятый пламенем лестнице. От реки тянуло такой вонью, что накатила тошнота.

Тесак схватил ее за руку, чтобы она не оступилась и не упала.

– Прыгаем в реку, – сказал он, – и плывем на тот берег. Скроемся в Старом городе. Там нас никто искать не будет. Подумают, что погибли.

– Да, – снова согласилась она, – но в реку лучше бы не лезть. Из нее не выберешься. Туда стекают отходы со всех заводов. Помню, еще папа рассказывал. Говорил, что это просто возмутительно.

– Дык и тут не останешься, – возразил Тесак. – Если и не сгорим в огне, то поймут и снова засадят в клетки. Алиса, мне назад дороги нет. Я не собираюсь всю оставшуюся жизнь биться взаперти как мотылек в банке. Лучше уж тогда погибнуть в пасти Бармаглота.

Алиса понимала и всем сердцем чувствовала, что он прав. Ей тоже не хотелось снова оказаться в тесной клетке. Но до реки было так далеко, и в ней столько всякой отравы. А вдруг у них вся кожа облезет?

А если наглотаются этой дряни и погибнут в страшных муках уже на берегу, когда отравы попадет в кровь?

Ее раздумья оборвал звон стекла – от жара пламени соседнее окно разлетелось вдребезги, испугав стайку чумазных голубей, примостившихся сдуру на том же выступе, где стояли Алиса и Тесак. Птицы с возмущенными криками разлетелись врассыпную, и Алиса взглянула на Тесака, понимая, что он заметил ее испуг.

– Нам тоже пора лететь, – сказал он. – Уж поверь.

Она поверила, как всегда, сама не зная почему. Он сжал ее руку, и, не успев опомниться, она почувствовала, что падает, проваливается в кроличью нору.

– Держись! – крикнул Тесак перед самым падением в воду.

Он до боли стиснул ее пальцы, она даже вскрикнула, и не отпускал. И правильно сделал, потому что едва мерзостная жижа сомкнулась у нее над головой, она непроизвольно разжала руку, и, если бы не его мертвая хватка, могла бы утонуть.

Кашляя и отплевываясь, он рывком вытащил ее на поверхность, подхватил под ребра и начал грести к берегу.

– Отталкивайся ногами.

Она вяло пошевелила ногами в странной вязкой жиже, совсем не похожей на податливую гладкую воду. Течение было таким медленным, что их могло снести всего на несколько дюймов. С поверхности поднимались едкие испарения, от которых разъедало глаза и щипало в носу.

Тесак держал Алису так, что она не видела ни его лица, ни приближавшегося берега. Он дышал ровно и спокойно, словно эти мерзкие испарения на него не действовали. Он тянул их обоих вперед, двигался плавными уверенными гребками, пока Алиса, неловко барахтаясь, старалась просто не мешать.

Лечебница позади была уже вся в огне, языки пламени вырывались из выбитых окон. На таком расстоянии воплей узников не было слышно, все заглушал рев пожара. Вокруг здания суетились люди, не давая огню перекинуться на соседние строения. Алиса даже никогда не задумывалась, что находилось вокруг больницы.

С одной стороны, у берега реки расположилось продолговатое низкое здание, словно лежащая черепаха. Оно, наверное, находилось с той стороны, где была комната Алисы, иначе бы она не видела луны.

С другой стороны, вздымалась какая-то громадина, гораздо выше лечебницы, извергая из труб тучи почти такого же такого густого и едкого дыма, что валил из ее недавнего пристанища.

– Вставай, – вдруг сказал Тесак, и Алиса поняла, что он не плывет, а идет.

Ноги вязли в иле, воды было еще по горло, но они уже почти выбрались.

Немного поодаль на дамбе толпились люди, они смотрели на рушащееся здание больницы, крича и жестикулируя.

– Я их вижу, – тихо сказал Тесак. – Сюда.

Он повел Алису туда, где, несмотря на рассвет, было еще темно, подальше от мерцающих газовых фонарей, расставленных вдоль берега и разгоняющих мглу от речного тумана и заводского дыма.

Выйдя на берег, Алиса задыхаясь рухнула на четвереньки. Даже в нескольких шагах от воды воздух был заметно чище, хотя слово «чистый» тут вообще вряд ли подходит, подумала она.

Кругом стоял смрад, воняло дымом и гарью, едкими химикатами с заводов. Все это смешивалось с запахами еды, что готовилась в трущобах прямо перед ними.

Тесаку досталось гораздо больше, чем Алисе, пока они выбирались из горящего здания и переправлялись через отвратительную реку, и все же он не рухнул, а спокойно стоял рядом. Алиса уселась на землю и взглянула на него. Он, как зачарованный, уставился на охваченное пламенем здание на том берегу, застыв так неподвижно, что она забеспокоилась и с трудом поднялась на ноги.

– Тесак? – позвала она и дотронулась до его руки.

Он весь был в грязных разводах от той жижи, которую они переплыли, от его волос и одежды поднимался пар. В серых глазах плясали отблески пожарища, словно пламя на углях преисподней, и от его взгляда она впервые оробела. Это был взгляд не Теса, верного товарища за стеной по ту сторону мышиной норы, и не того, кто так умело вывел ее из горящего здания, а Тесака – душегуба с

топором, застигнутого с окровавленными руками среди множества трупов.

«Но меня он никогда не обидит, – убеждала себя Алиса. – В глубине души он все равно Тес, просто забылся на мгновение».

Она нерешительно взяла его за плечи и позвала снова, он продолжал смотреть на нее невидящими глазами. Вдруг он схватил ее за руки с такой силой, что на нежной коже показались синяки, а в его серых глазах промелькнуло безумие.

– Он вырвался, вырвался, вырвался, – твердил Тесак. – Теперь весь мир потонет в огне и крови.

– Бармаглот? – спросила Алиса.

– Мы все попадем в его необъятную пасть и сгинем в бездонной утробе, – сказал Тесак. – Надо бежать, бежать, пока он не нашел меня. Он знает, что я его слышу. Знает, что мне известно, какое зло он несет.

Вдруг от больницы донесся ужасный грохот, словно обвалился остов здания. Алиса и Тесак обернулись, и в этот момент все стены рухнули, будто осыпавшийся песочный замок. Не исчезло лишь пламя, взметнувшееся на невероятную высоту, туда, где ему точно нечего было пожирать, а потом вширь, насколько хватало взгляда, словно чудовище расправило крылья.

Но в этом пламени виднелась тьма, огромная тень, простиравшаяся все дальше, будто невольник вырвался на свободу и протянул руки к солнцу.

– Это... он? – спросила Алиса.

Рассказы о Бармаглоте она никогда не воспринимала всерьез. А может, и не было никакой тени, просто она совсем обессилела, да еще надышалась дыма и всякой отравы, вот и померещилось. Так всегда бывает, если с головой не все в порядке. Никогда не знаешь, верить ли собственным глазам.

Тесак не ответил, только взгляделся в огненный столб, а потом схватил Алису за руку и потащил прочь от реки. По илистому берегу идти было нелегко, но наконец они выбрались на узкую мощеную булыжником улочку, что петляла

среди беспорядочно громоздящихся перекошенных трущоб.

У Старого города словно не было ни конца, ни края, запутанный лабиринт лестниц и узких улочек опоясывал здания, что веками латались и надстраивались поверх старых развалин. Здесь не было ничего нового, светлого, даже дети, казалось, рождались с затравленным взглядом.

Тесак нырнул в ближайший переулок, потянув за собой Алису. Ей было больно идти босиком по острым камням, но она понимала, что надо исчезнуть как можно быстрее. Кроме угрозы со стороны Бармаглота, Алиса замечала характерный блеск медных пуговиц на полицейской форме. И неважно, что больница превратилась в пепел: если их увидят в больничных робах, полицейские их сразу заметут. А у Алисы было предчувствие, что Тесак так просто не сдастся.

Так они пробирались тайком, короткими перебежками мимо уличных девиц, тискавшихся с клиентами по подворотням, стариков, толпившихся вокруг «наперсточников», петушиных боев. Тесак вел ее все глубже в Старый город, туда, где в узкие проходы между домами не заглядывает солнце и воздух мутный от заводского дыма. Из-за тумана, поднимавшегося над булыжником, встречных прохожих было не разглядеть, пока не столкнешься нос к носу.

Так их и подстерегли.

Увидев, что Алиса задыхается, совсем выбившись из сил, Тесак остановился, но не стал ее подбадривать или утешать, а просто ждал.

И тут из тумана вынырнуло здоровенное страшилище и замахнулось на Тесака дубиной. Алиса собиралась закричать, но вдруг чья-то грязная пятерня зажала ей рот, а другая с такой силой стиснула грудь, что из глаз брызнули слезы.

– Что у нас тут? – проворковал ей в ухо грубый голос. – Заблудшая овечка?

Пока она брыкалась, пытаясь выскользнуть из грязных лап, Тесак со страшилищем, при ближайшем рассмотрении оказавшемся человеком, таким верзилой, каких она отродясь не видывала, скрылись в тумане. Алиса отчаянно сопротивлялась, но все было тщетно, и похититель поволок ее за собой.

Он отпустил ее грудь и свободной рукой задрал подол балахона до пояса, облапав бедра, и тут Алиса озверела и впиалась зубами в руку, зажавшую рот, потому что вспомнила мерцающий свет и того, кто навалился сверху, протискиваясь между ее ног, вспомнила, как кричала от боли, но он не останавливался, пока не пошла кровь.

Почувствовав укус, налетчик выругался, но не ослабил хватку.

– Ах ты озорница, – зарычал он, и треснул ее лбом о кирпичную стену.

У нее подкосились ноги, сознание помутилось, а глаза залило чем-то липким. Она очнулась стоя ободранными коленями на камнях, а он хватал ее за бедра, раздвигая ноги.

«Просто исчезни, – думала она. – Тебя здесь нет, ты сидишь на зеленой лужайке, греешься на солнышке, а вот с улыбкой подходит тот, кто тебя любит».

Вдруг незнакомец убрал руки, слышались глухие удары кулаков.

Все еще с задранной подолом она перевернулась на бок и протерла глаза.

Тесак припер ее обидчика к стене и безостановочно молотил его кулачищами, постепенно превращая его лицо в непонятное месиво. А когда наконец отпустил, тот мешком рухнул на землю и, казалось, даже не дышал.

Тяжело дыша, окровавленный Тесак обернулся к Алисе. Осмотрел рассеченный лоб, потом ненадолго задержал взгляд на обнаженном животе и, буркнув:

– Прикройся, – принялся шарить по карманам насильника.

Алиса поправила подол, поднялась на ноги, держась за стену, прислонилась к ней, и тут ее так затрясло, что даже зубы начали отбивать крошки. Тесак обернулся. На ладони он держал небольшой мешочек.

– Золотом набит, – заметил он, пнув бездыханное тело. – Работотговец небось. Попользовался бы тобой, а потом продал.

– К-к-кажется, м-м-меня уже п-п-продавали, – выдавила она.

Ей вспомнились деньги, переходящие из рук в руки, она видела, как чья-то широкая ладонь наполняла золотом другую, поменьше.

– Кто, длинноухий? Или тебя ему продали? – уточнил Тесак.

Она покачала головой. Вспоминался только страх, который лучше забыть. Еще какой-то мужчина, но его лица она не смогла вспомнить.

Потом видение растаяло, словно разум оберегал ее от страданий.

Тесак стоял перед ней – дикарь, обагренный кровью ее обидчика, и на его лице промелькнуло странное, выражение – беззащитность.

– А можно?.. – попросил он, показав жестом, как обнимает ее за плечи.

Она вся сжалась от внутреннего вопля: «Нет!» Потом вспомнила, как он уставился на ее голые ноги, но отвернулся, а не набросился, словно голодный волк. Она кивнула и заметила, как он облегченно выдохнул.

Тесак обнял ее и на мгновение крепко прижал к себе, Алиса почувствовала его скрытую силу. Потом ослабил объятия, чтобы она могла идти, но совсем не отпустил. Они вернулись туда, где на них напал верзила, и Алиса его разглядела. Вместо зубов у него было окровавленное месиво, но он все еще хватал ртом воздух. Рядом валялись обломки дубины, с которой он напал на Тесака, впрочем, это оказалась обычная толстая палка.

– На улице оставаться опасно, – сказал Тесак.

– Где же нам найти укромное место? – спросила Алиса. – Тебе знаком этот район?

– Да, – признался он, – хотя сам не пойму откуда. Только мы оказались в Старом городе, ноги сами куда-то меня понесли.

– Там безопасно? – спросила она.

Тесак крепко прижимал ее к себе, согревая телом, но она все равно дрожала с ног до головы от холода, пробиравшего до костей. Она совсем выбилась из сил, была голодна и напугана. На мгновение ей даже захотелось вернуться к рутине больничной жизни за надежными четырьмя стенами.

– Не знаю, – размышлял он. – Я тут сто лет не был. Что-то совсем не изменилось. Вот нисколечко, просто удивительно. А где-то вроде все по-другому, хотя ума не приложу почему.

– По-моему, ты не так уж много забыл, как тебе кажется, – заявила Алиса. – Помнишь ведь, что когда-то были волшебники. А сейчас есть работорговцы. Ты помнишь город. Только забыл, кто ты такой.

– Нет, – возразил Тесак, – Знаю, кто я сейчас. А кем был раньше – забыл. Может, и к лучшему. Может, прежний я тебе не понравлюсь. Да и себе тоже.

Алиса помнила, кем была раньше. Только не могла вспомнить, как же та девочка превратилась в нынешнюю Алису. И судя по недавним видениям, оно и к лучшему. Тесак прав. Наверное, лучше забыть.

Она вздрогнула под его рукой. Он потер плечо, тщетно пытаясь согреться.

– Все равно холодно, – посетовала она.

– Мы почти пришли.

– Куда?

– Не знаю. Куда привели ноги. В безопасное место.

Алиса заметила, что из лабиринта узких улочек они выбрались на главную. Толчеи не было, но многие спешили по своим утренним делам. Укутанные шарфами женщины с корзинками яиц, капусты или рыбы, завернутой в бумагу. Мужчины с ослами, навьюченными углем или дровами, или занятые какими-то

темными делишками. Босоногие мальчишки в поношенных кепках, таскающие яблоки с телег у зазевавшихся торговцев.

Встречные отводили взгляд и обходили Алису с Тесаком стороной, но к ее облегчению, они оба казались не настолько подозрительными, чтобы звать полицию. Местная публика была бы явно не в восторге от присутствия властей, ведь здесь наверняка торговали не только углем и фруктами. Каждый встречный ясно давал понять, что на помощь тут рассчитывать не стоит, но и вмешиваться никто не станет.

– Там живет одна знакомая старушка, она нас приютит.

Алиса заинтересовалась, кто эта старушка, почему Тесак так уверен, что она поможет, и уже собралась было спросить, но Тесак, наверное, все равно не знал ответа. А тут еще и живот скрутило, хотя во рту с самого вечера маковой росинки не было. Будь они в больнице, им уже давно принесли бы кашу на завтрак. Алиса закашлялась, к горлу подступила горечь.

– Тошнит, – пожаловалась она.

– Почти пришли, – успокоил Тесак, сворачивая в переулок за лавкой с лечебными зельями.

– Я не дойду, – простонала Алиса, вырвавшись из-под его руки и едва добежав до ближайшей стены.

Желудок сдавили спазмы, горло обожгло, но наружу вышло только немного желчи. Алиса прижалась саднящим лбом к стене и поморщилась от боли, когда шершавый кирпич задел ободранную шишку, напоминание о том хмыре, что хотел ее изнасиловать. Тошнота не прошла. От приступа рвоты стало только хуже.

– Ну еще чуть-чуть, – Тесак тянул ее за руку, за плечо. – Это от порошков тебя тошнит.

– Сегодня-то я не их принимала, – возразила Алиса.

– Вот именно. А сколько лет их тебе каждый раз подсыпали в еду?

– С тех пор, как попала в больницу, – ответила она.

Она из последних сил волочила ноги, пальцы подворачивались и в кровь разбивались о камни.

Не переставая уговаривать, Тесак проволоком ее последние несколько футов, и когда они наконец добрались до обшарпанной деревянной двери в укромном закутке переулка. Алиса совсем валилась с ног.

Тесак забарабанил кулаком в дверь, свободной рукой поддерживая Алису под локоть. Дверь отворилась, и на пороге, закутанная в линялую красную шаль, появилась древняя скрюченная старушонка в синем платье, совсем седая, но с серыми, точь-в-точь как у Тесака, глазами. Она пристально его оглядела, тихонько вздохнула и проговорила:

– Николас, я тебя четвертый день дожидаясь.

Глава третья

Она посторонилась, пропуская их в дом. Прозвучавшее имя Тесак, казалось, пропустил мимо ушей, но, тем не менее, уверенно шагнул через порог, словно всегда тут жил.

– Что с подружкой? – спросила женщина, направляясь к очагу у стены, чтобы подбросить дров.

Алиса сбросила руку Тесака, шатаясь потянулась к желанному теплу огня, и повалившись ничком на подстилку, мгновенно уснула, так и не расслышав его ответа.

Очнулась она в мягкой постели на пуховой подушке, накрытая колючим шерстяным одеялом. Она уже сто лет не спала в кровати под одеялом и теперь блаженствовала, в кои-то веки наслаждаясь уютом.

Окон в комнате не было. В дальнем углу на столике догорала свеча. Рядом с ней стояли кувшин и миска. Все тело ныло, но было чистым, а голова какой-то непривычно легкой. Ощупав голову от самой шеи до макушки, она ахнула – волосы исчезли. Свалявшийся колтун был аккуратно сострижен, оставлен только шелковистый ежик длиной в два пальца.

Потом потрогала шишку на лбу, голова страшно болела.

Рана была обработана и зашита ровным рядом аккуратных мелких стежков. Хорошо, что она при этом не очнулась.

Она приподняла край одеяла и увидела чистенькую, но поношенную муслиновую ночную рубашку. От грязи и крови не осталось и следа. Засучив рукава, она заметила лиловые синяки на запястьях.

– Парнишка сказал, это он виноват, но он не нарочно, – сообщил чей-то голос.

Алиса оглянулась и увидела у входа старушку. В руке она держала тарелку, будто знала, что Алиса проснется в эту самую минуту и захочет есть.

Старушка медленно, неуклюже доковыляла до постели и вручила Алисе тарелку с черным хлебом и куском рассыпчатого желтого сыра. Алиса приняла тарелку и прошептала:

– Спасибо.

– Ешь не спеша, – посоветовала старушка. – Николас сказал, ты болела.

У Алисы невольно вырвался хриплый короткий смешок. Она уж позабыла, что такое смех.

– Да, можно сказать, я болела, – согласилась она и вдруг разрыдалась, так горько, как давным-давно, еще в детстве.

Все эти годы «прогулок» в четырех стенах, тычков санитарок, для которых она была лишь постылой работой. Долгие ночи, когда она в ужасе просыпалась от бесконечных кошмаров, и некому было ее утешить и развеять эти страхи. И после того, как начался пожар – дым, ужас, грубая лапа, просунутая между ног. Все это было замуровано внутри, затуманенное под действием тех порошков, что ей постоянно добавляли в еду. Но теперь перед глазами вдруг предстал настоящий мир, слишком ясно, отчетливо, слишком живо, и этот кошмар было просто не передать словами.

Старушка не стала ее обнимать или притворно утешать, а просто сочувственно глядела и терпеливо ждала, давая Алисе выплакаться.

Потом протянула старый носовой платок, чтобы утереть слезы. Дотронувшись до шрама на левой щеке, Алиса ужаснулась тому, что короткими волосами его теперь совсем не прикрыть.

– Зачем вы меня остригли? – вырвалось у Алисы, хотя она совсем не то хотела сказать. Она собиралась поблагодарить за то, что отмыли, накормили, обработали раны, но вышло совсем по-другому.

– Вы оба совсем завшивели, – сухо пояснила старушка. – Привыкли уж небось за столько-то лет. Проще было остричь побольше, а остальное вычесать. Да и Николас, видать, решил, что тебе сподручней будет парнишкой нарядиться. А уж по тому, чего вы по дороге натерпелись, оно, глядишь, и верно. Вон ты какая тощая да долговязая, как есть мальчишка. Смазливая лишку, правда, даже с тем шрамом, что так печалишься. А уж в иных местах что мальчугану несдобровать, что девке. Ну ничего, Николас подсобит.

– А вы ему кто, родня? – спросила Алиса. – Тесаку?

Она никак не могла себя заставить называть его тем именем, которое слышала от старушки. Человеку, которого она знала, оно не подходило.

– Меня зовут Бесс, а он мой внучок, хоть и позабыл совсем, – сказала она. – Его мать была моей дочерью. В девятнадцать лет из дома сбежала, а через три года вернулась с ним, он еще в пеленках был, да так и оставила. По глазам было видать, оно и к лучшему.

– А что было в ее глазах?

– Как будто земли не видела, все в облаках витала, вроде тех летучих машин, на которых в Новом городе носятся. Совсем стала не от мира сего.

– Тогда вы знаете, что произошло с Тесаком? За что его в психушку посадили?

Бесс медленно покачала головой.

– Мы с Николасом уж двадцать три года не виделись, до вчерашнего дня. Семнадцать годков ему было, связался с дурной компанией. Сказала я тогда, мол, в своем доме такого безобразия не потерплю, вот он и ушел. Весь в мать, ничего не скажешь, да и я опять промашку дала, хоть и старалась оба раза как могла.

Она помолчала, но ее сожаления были видны и без слов.

– Как из дома ушел – с тех пор ни слуху, ни духу, – продолжала Бесс, – А четыре ночи назад было мне видение, приснилось, значит, что вернется он. Есть у нас в роду какой-никакой дар, хватает, чтоб понять, когда сон вещий. Вот и Николасу передался, оттого-то он про Бармаглота и заговорил.

– А я-то думала, что он все выдумал, – призналась Алиса.

– Ты что, сама ту тварь в огне не видела? – прищурилась старушка. – Или глазам своим не веришь?

– Нет, не верю, – согласилась Алиса. – Привиделся однажды то ли кролик, то ли человек, так меня на смех подняли.

– Ну, этот-то как есть настоящий, та еще пакость, – прошипела Бесс, услышав про Кролика. – Держись от него подальше, девочка, слышишь? Один раз из той норы еле ноги унесла, так вдругорядь не суйся.

От этих слов, да еще сказанных с таким жаром, Алиса просто опешила.

– Так вы знаете о Кролике?

– Говорю ж тебе, держись от него подальше, – повторила она. – В таком деле любопытство до добра не доведет. Не суй свой нос на ту тропинку. С того-то все твои беды и начались, так ведь?

– Да, – тихо сказала Алиса.

Конечно, Бесс была права. Ни к чему разыскивать того, кто столько лет являлся в кошмарных снах. И все-таки в глубине души Алиса ликовала: что бы там ни говорили, мол, все эти рассказы про кролика-человека – бред сумасшедшего, она оказалась права. Еще как права.

– Послушай меня, – заговорила Бесс. – Даже не вздумай Кролика искать, не то накличешь гибель да безумство небывалое.

Алиса покачала головой:

– Не буду. Обещаю.

Старушка пристально посмотрела Алисе в глаза и кивнула, будто разглядела в них, что хотела.

– Ладно, – сказала она. – Да и недосуг тебе будет, вам с мальчишкой за Бармаглотом отправляться пора.

– Нам? Но почему?

Она вообще сомневалась в его существовании, но даже если он не выдумка, вряд ли искать его было разумнее, чем Кролика.

– Вы единственные видели, как он вырвался на свободу, то бишь только вы и понимали, что видите. Он уже вышел на охоту, с каждой новой каплей крови его жажда все сильнее.

– Ну если все так серьезно, его наверняка полицейские схватят, или военные из Нового города, – предположила Алиса.

– Простому человеку Бармаглота не поймать, – возразила Бесс. – Полицейские его и разглядеть-то как следует не смогут. Захочет – человеком обернется, прошмыгнет куда угодно. А военных этих в Старый город калачом не заманишь, сама ведь знаешь. Пускай тут хоть чудища невиданные резню учинят – они и носу не покажут. Их служба – Новый город от черни охранять да чистоту блюсти, чтобы благородные дамы ненароком не запачкались.

Алиса вспомнила, что накануне Тесак ей говорил почти то же самое, и снова залилась краской. Заметив ее смущение даже при таком тусклом свете, наблюдательная старушка усмехнулась:

– А ты, дорогуша, не из наших краев, как я погляжу? Ну, раз у Кролика не сгнула, небось не робкого десятка, не то что другие. Сказано мне было в том видении, что Бармаглота искать вам с Николасом вместе суждено. Знать, есть в тебе что-то особенное, да не открылось пока.

Старушка так пристально изучала Алису, что та не выдержала и отвернулась. Ее вдруг возмутила такая бесцеремонность женщины, той самой, что с ней нянчилась безо всякого повода.

Кто она такая, чтобы указывать Алисе, что делать? Целых десять лет ее шпыняли все, кому не лень... да и раньше, когда жила с родителями, они постоянно командовали, выговаривали, от них она только и слышала: «Нет, Алиса, так нельзя, это неприлично. Не водись с этой девочкой. Она тебе не ровня».

У нее никогда не было свободы выбора, возможности быть самой собой и решать, как поступить. А тут какая-то странная старуха заявляет, что ничего не изменилось. Алиса не обязана разыскивать какого-то кошмарного маньяка, и ничья бабушка, даже ясновидящая, ее не заставит.

Старушка ухватила Алису за подбородок и развернула к себе.

– Ну уж нет, – промолвила она. – от судьбы не спрячешься, даже не мечтай. Было мне видение, а что напророчено, того назад не воротишь. Сколько за волей ни гоняйся, а судьба все равно настигнет да назад притащит.

Глаза у Алисы снова наполнились слезами.

– Где же справедливость?

– Ну, справедливо или нет, не нам судить, – Бесс встала. – Отправляйтесь на улицу Роз, проведите Чеширского. Он вам поможет, укажет, куда держать путь. Николас скоро вернется. Оденься.

Она указала на вешалку с одеждой возле кровати.

– А куда ушел Тесак?

– Раздобыть мне кой-чего, а то приходится мальчика какого-нибудь нанимать, чтобы донести до дома. Парня надо было чем-то занять, Николаса – то. Чуть не спятил, когда ты сомлела, все над тобой сидел, пока не услала его.

Бесс уже вышла, но Алиса так и застыла, уставившись в тарелку, что держала в руках, едва притронувшись к хлебу с сыром. Слова старушки звучали эхом в голове: «Сколько за волей ни гоняйся, а судьба все равно настигнет да назад притащит».

Почему же именно Алиса должна найти Бармаглота? Ничего особенного в ней не было. А что им с Тесаком делать, когда они и впрямь его найдут? У Тесака, может, и есть дар ясновидения, но он вовсе не волшебник, как и Алиса.

В раздумьях она надкусила краюшку. Хлеб оказался таким вкусным, не то что больничная еда. У Алисы вдруг проснулся зверский аппетит, и она запихнула в рот все что осталось, не успев прожевать как следует.

Как же она проголодалась! Такого голода ей испытать еще не доводилось. Хлеб исчез в мгновение ока. Но при виде сыра желудок вдруг снова скрутило. Она выронила сыр на тарелку, выскочила из-под одеяла и бросилась к столу.

Босые ноги зябли на голом полу. В кувшине, как и ожидалось, плескалась вода. Она припала к нему и стала огромными глотками хлебать ледяную воду, горло обожгло огнем, в груди защемило. Тогда она оперлась руками о стол, с трудом втягивая воздух, пока не отпустили судороги и тошнота, и ей наконец не полегчало.

Одеяло осталось на кровати, и теперь Алису начал пробирать холод.

Потянуло дымком, и вспомнив об очаге в соседней комнате, где весело потрескивали поленья, она поспешила переодеться, чтобы поскорей подобраться к нему поближе и согреться.

На вешалке оказались мужские штаны, грубая белая рубаша и серая куртка с кепкой. Алиса разложила вещи на кровати и постаралась не вспоминать об изящных платьях, что носила раньше, когда жила в Новом городе. «С прежней жизнью покончено. В конце концов, такая одежда лучше больничной робы».

Она стянула ночнушку через голову и замерла, осматривая себя. Вся правая грудь – сплошной лиловый синяк, живот и бедра в ссадинах. На лодыжках тоже виднелись лиловые отметины от пальцев, ступни сбиты в кровь.

Кости так и выпирали под бледной, чуть ли не прозрачной кожей, все тело ломило от вчерашних усилий. Очень давно она не ходила так много и далеко и уж, конечно, никогда не прыгала в реку из окна третьего этажа.

Уловив краем глаза какое-то движение, она оглянулась и обнаружила, что занавеска в проходе отдернута, а на нее уставился какой-то незнакомец. Сердце ухнуло в пятки, она открыла рот, чтобы закричать, но не смогла выдать ни звука.

У него были черные, очень короткие волосы с проседью, гладко выбритое лицо с ввалившимися щеками и острым подбородком. Штаны и рубаша такие же простые, как у нее. Голос понемногу прорезался, и тут она узнала его глаза. Такого блеска в этих свинцово-серых глазах она еще не видела.

Оцепенев от этого взгляда, с трепещущим, как мотылек в паутине, сердцем, она молча смотрела, как он приближается к ней, задержав за собой занавеску. Оказавшись рядом, он потянулся к ее щеке, той самой, где много лет назад зияла страшная рана.

Почувствовав на лице его ладони, она удивилась, какие они огромные, и какой он высокий, гораздо выше нее. Вблизи стало заметно множество затянувшихся светлых шрамов по всему лицу, раньше скрытых бородой. Его рука скользнула по ее рассеченной много лет назад щеке.

Он опустил руки и встал перед ней на колени, с такой нежностью прижавшись щекой к животу, что она чуть не разрыдалась. Потом обнял за бедра, не причинив ей боли, но так крепко, что она почувствовала, он не хочет ее отпускать. От этого прикосновения кожа будто таяла, словно он пытался слиться с Алисой в единое целое.

Она погладила его по голове, остриженной еще короче, чем у нее, по густой жесткой щетине, и оба замерли, прислушиваясь к дыханию друг друга, пока не задышали в едином ритме.

После Тесак поднялся, усмирив бушующий в глазах огонь, пригладил ей волосы и молча вышел.

Алиса быстро оделась, пытаясь унять дрожь в ногах то ли от холода, то ли от волнения из-за случившегося. Штаны не держались на ее костлявых боках. Она зажала руками пояс штанов и поковыляла босиком в большую комнату.

Бесс с Тесаком стояли рядом, обсуждая разложенные на полу вещи. Старушка заметила Алисины мучения.

– Сейчас принесу тебе веревку, – сказала она, вышла в коридор и исчезла в одном из проемов.

– Извини, – Тесак показал на штаны, которые оказались еще и немного длинноваты. – Второпях выбирал, больше по длине, на ширину и не посмотрел.

Алиса подошла ближе к очагу, ей жутко хотелось согреться, а еще было любопытно, что же лежит на полу.

– А куда ты торопился? – спросила Алиса.

– А?

Тесак уже снова рассматривал разложенные предметы.

– Почему ты спешил, когда брал одежду?

– Ну, – усмехнулся он, и у нее потеплело на сердце. Ей еще не доводилось как следует разглядеть его улыбку: – Она сушилась на веревке, и я ее стянул.

– Тес, – упрекнула его Алиса, – зачем надо было воровать? Ты же у того барыги полный кошель золота отобрал!

– Пришлось кое-что прикупить, так что осталось меньше. Опять же, там, куда мы идем, оно еще пригодится. Бесс говорит, когда доберемся до места, к Чеширскому нас пропустят, только если скажем, что мы от нее. Но насколько я помню, по дороге еще много рук придется позолотить.

– Ты помнишь? – переспросила Алиса.

Тесак удивленно посмотрел на нее.

– Да. Почему-то помню.

– Только это, или что-нибудь еще?

– Пока только это. Как будто в нужный момент вспоминается только самое необходимое.

– Что это за вещи? – спросила Алиса.

– Запасы.

Алиса подумала, что их представления о запасах сильно отличаются.

Если бы за ними послали Алису, она бы принесла еду, одежду и одеяла – все необходимое для выживания. Но сейчас перед ней был скорее арсенал.

На полу лежало два ножа, обычный кинжал с обтянутой кожей рукоятью и второй потоньше, как у мясников, с прямым обухом. Несколько мотков веревки разной толщины и длины. Заметив небольшой топор, Алиса покосилась на Тесака, и тот, проследив за ее взглядом, покачал головой:

– Думаешь, он мне что-нибудь напоминает? Нет. Хотя в руку ложится как влитой, прямо как продолжение меня.

На полу лежал еще один предмет, моментально приковавший к себе ее взгляд.

– Это что?.. – указала она, неуверенная даже в том, как правильно произносится это слово, ведь до сих пор видела такое только на картинках.

Тесак снова усмехнулся, и она поняла, что в глубине души, под всей этой кровью и безумием он до сих пор оставался сорванцом, озорным мальчишкой-проказником.

– Да. Пистолет.

– Пистолет, – повторила Алиса. Она бы не так сильно удивилась, признайся Тесак, что он волшебник: – Только королевской гвардии позволено носить такое оружие. Их не выдают даже солдатам, охраняющим Новый город.

Тесак наклонил голову вбок, словно видел ее впервые.

– Ты всегда веришь тому, что тебе рассказывают?

Алиса сразу почувствовала, что сморозила глупость, и покраснела.

– Нет. Раньше верила. Сейчас даже не знаю.

– Алиса, ни полиции, ни военным, ни правительству на слово верить нельзя, – предупредил Тесак. – Они не за твое счастье радуют, им лишь бы тебя приструнить, чтобы заправилам в Новом городе хлопот было меньше. Солдаты вооружены, Алиса, это ясно как день. Просто не выставляют оружие напоказ.

Пускай у солдат и было оружие, но то, что Тесак собирался носить такое при себе, ее не на шутку встревожило.

– Это же запрещено. Пистолет сразу привлечет лишнее внимание, не то что нож.

– Само собой, среди шпаны поножовщина – дело привычное, поэтому с ножами проблем нет, – кивнул Тесак. – Не переживай. Мы его спрячем. На крайний случай.

Алиса с сомнением взглянула на него, но ничего не сказала. Тесак собрал с пола весь арсенал и так ловко попрятал ножи, топор и пистолет под одеждой, что заметить их было невозможно. Веревки оказались в небольшом мешке вместе с какими-то свертками ткани, которых она раньше не заметила.

– А это что?

– Плащи. Ночью они лучше одеял. Их никогда не потеряешь, если вдруг придется уносить ноги. И хотя днем тебя видно издалека, зато в сумерках становишься просто невидимкой.

«Оказывается, он подумал не только о том, как постоять за себя», – подумала Алиса. Ей было так тепло у очага, что совсем не хотелось уходить, как, впрочем, и думать о том, что с ними будет, когда они переступят через этот порог и выйдут наружу.

Если обнаружится, что они сбежали из больницы, их ждет немало неприятностей. Но если Тесака поймают с пистолетом, его пристрелят на месте. Без суда и следствия. Может быть, даже из его собственного оружия. При этой мысли она вскинула голову и уставилась на Тесака.

– Ты чего? – спросил он.

– Ты купил пистолет, чтобы не возвращаться в больницу, – заключила она, и сама удивилась, услышав в голосе обвинение, даже злость. – Ты прекрасно знаешь, если тебя с ним поймают, то убьют на месте.

Тесак кивнул.

– Да. Я же говорил, назад мне дороги нет. Не вынесу даже мысли, что снова окажусь взаперти. И они разлучат нас, Алиса, никто больше не подбодрит через мышиную норку. Нас будут держать порознь, подумать только, это еще страшнее, чем оказаться в клетке. Вот и решил, что выход есть всегда. Для себя

я его нашел. И тебе предлагаю.

Она понимала, о чем он говорит: сначала убить ее, из пистолета, ножом, в конце концов голыми руками, главное, не дать им снова засадить ее в клетку.

Сначала он убьет ее, из ружья, ножом или кулаками, как придется, и она никогда больше не окажется в заточении. Наверное, если бы кто-то другой так спокойно заявил, что готов убить своего спутника, она бы пришла в ужас. Но от Тесака это звучало равносильно предложению выйти за него замуж. Это самое большее, на что он мог пойти ради нее, так он показывал, как много она для него значит.

При мысли о возвращении в тюрьму к горлу подкатила горечь. Но все же она не могла решиться принять такое предложение, она ведь еще и не жила толком, как же тут добровольно принять смерть? Еще слишком рано.

– Спасибо, я подумаю.

Тесак кивнул и занялся своими делами. В комнату вернулась Бесс с кожаным ремешком и каким-то красным блестящим предметом на серебряной цепочке.

– Насилу отыскала, – сказала она, как бы оправдываясь за долгую отлучку. – Как сквозь землю провалился.

Алиса взяла ремень, рассеянно обернула вокруг пояса и затянула штаны, не в силах оторвать взгляд от амулета, поблескивающего в свете очага.

– Это тебе, – сказала Бесс. – Когда-то давным-давно, до Очищения, он принадлежал моей пра-пра-пра-прабабушке, настоящей волшебнице. Оберег.

Бесс протянула его Алисе, замершей в нерешительности:

– Что вы, разве можно отдавать фамильные ценности?

Бесс фыркнула:

– Родни-то у меня кроме Николаса не осталось, а от него поди дождись, когда невесту в дом приведет, вот ты, считай, и будешь. Бери, все равно пропадет – мне уж недолго жить осталось, а там украдет кто-нибудь.

Алиса подумала, что ясновидение, должно быть, ужасный дар, если можно увидеть час собственной смерти. Она заметила, как замерли руки Тесака, когда старушка так обыденно упомянула о своей кончине. Значит, не такой уж он бесчувственный. Наверное, в глубине души остались воспоминания о маленьком Николасе и бабушке, которая ничего для него не жалела.

Бесс с легким раздражением снова протянула цепочку, и Алиса взяла ее, внимательно разглядывая драгоценный камень, переливающийся на ладони.

– Это же роза, – сказала она и вдруг на нее нахлынули воспоминания о бесконечных рядах алых роз, растущих в саду, об узоре из роз на платье, в котором она была, когда они улизнули вместе с Дор.

– Моя мать... – начала она, и чуть не потеряла сознание. – Мама обожала розы, они у нее росли не по дням, а по часам. Таких чудесных роз ни у кого не было, она даже не разрешала садовнику ей помогать.

Тут перед глазами всплыло другое воспоминание, но она приберегла его для себя: ее крохотная пухлая ручка в маминой изящной и элегантной руке, лучи солнца, просвечивающие сквозь ее золотистые волосы, сияющие словно нимб, склонившееся к Алисе улыбающееся лицо и воркующий голос: «Алиса, ах ты мой бутончик, розочка моя».

Что случилось с той женщиной, любящей матерью? Почему она разлюбила израненную и напуганную Алису? Почему отослала Алису прочь, в самое ужасное место на белом свете?

Она подумала, что уже достаточно оплакивала прошлое, но прежняя боль снова всколыхнулась в груди, и на глаза опять навернулись слезы.

Бесс глядела на нее все так же сочувственно и терпеливо, и вскоре Алиса вытерла слезы.

– Спасибо, – поблагодарила она и надела цепочку через голову.

Роза, оказавшись у нее на груди, засияла, словно внутри загорелась свеча. Бесс ахнула, и, ухватив Алису за подбородок, заглянула ей в глаза.

– Ты. Ты, – твердила она.

Тесак вдруг вскочил, побелев как полотно.

– Бармаглот. Он близко, – сообщил он, закатил глаза и рухнул на пол.

Глава четвертая

– Вот два сапога – пара, – неодобрительно пробурчала Бесс, когда Алиса вырвалась из ее рук. – Чуть что – сразу хлоп в обморок, что один, что другая. Уж не знаю, как вы справляться будете, такие квелые.

Алиса перекатила Тесака на спину. Его веки были закрыты, но глаза под ними так и метались туда-сюда.

– Тесак, – позвала она, тряся его за плечи. – Тесак.

Бесс покачала головой.

– Бесполезно. Сейчас он во власти Бармаглота и не очнется, пока тот не отпустит.

– Я не хочу, чтобы он отключался, – сказала Алиса, вспоминая сон перед пожаром в больнице. – Не хочу его отдавать Бармаглоту.

– Стало быть придется избавиться от чудовища, – заметила Бесс, лукаво сверкнув глазами. – Думаю, это будет посильнее судьбы.

Алиса беспомощно смотрела на мертвенно-бледное лицо Тесака, его подергивающиеся глаза.

– Какая уж у меня сила?

Бесс взглянула на розу на шее у Алисы и сказала:

– Больше, чем ты думаешь. А с этим нянчиться нечего. Он скоро придет в себя. Бармаглот почти наелся.

– Откуда вы знаете? – спросила Алиса.

– Я его тоже чувствую, – монотонно продолжала Бесс. – Он близко и почти насытился. Всю ночь терпел, предвкушая кровь. Знал, что люди ожидают кошмаров по ночам, вот и дожидался утра, чтобы страху нагнать и за один присест наестся.

– Почему же у вас не бывает припадков, как у Тесака?

– Парнишка столько лет с ним считай бок о бок просидел, и хоть крепка была Бармаглота темница, а все ж чуял, что тот где-то рядом. Те узы меж ними и поныне остались, хоть и вырвались оба на волю, вот и направил на него Бармаглот свою силу, теперь ему никакой преграды нет. И с каждой каплей крови, каждой толикой страха эти узы все крепче, а мрак все гуще.

Алиса просто не представляла, каким чудом они, двое сломленных судьбой детей, смогут одолеть такое чудовище. Если Бармаглот с каждой новой жертвой только набирался сил, ему всего-то стоило продолжать убивать, пока не исчезнет все живое.

– Не отчаивайся, – подбодрила Бесс, – время еще есть. Он что-то ищет, и пока не найдет, не примет свой окончательный облик.

– Что же он ищет?

– То, что украл у него волшебник, – прохрипел Тесак, ошалело озираясь по сторонам.

Алиса погладила его по бледной щеке:

– Успокойся.

Тесак потряс головой и стал подниматься. Они с Бесс переглянулись.

– Он что-то ищет. Тебе удалось разглядеть?

Старушка покачала головой.

– Я только чувствую, как он этого жаждет.

Тесак поежился.

– Я тоже.

Алиса переводила взгляд с одного на другого.

– Значит, Бармаглота... его можно остановить? Пока он не нашел эту вещь?

Тесак кивнул.

– Это не так-то просто, и нам кое-что потребуется. Вот почему ты посылаешь нас к Чеширскому?

– Да, – сказала Бесс, – он забыл больше, чем нам с тобой доведется узнать. Ему известна история магии и волшебников. Он, наверное, сможет рассказать, кто и как пленил Бармаглота раньше. Отправляйтесь, как стемнеет, под покровом ночи.

– А как же Бармаглот? Вдруг мы с ним столкнемся, не успев подготовиться? – спросила Алиса.

Она еще не собралась с духом, слишком мало времени провела она в тепле и покое.

– Сейчас он уходит, – сообщил Тесак. – Был совсем рядом, а потом отправился разыскивать свою пропажу. Я почувствую, когда он приблизится, так что случайно не нарвемся.

Тесак поднялся и принялся доделывать начатое. Бесс сходила на кухню и вернулась с буханкой хлеба в узелке и яблоками, все это отправилось в мешок к прочим припасам.

Алисе оставалось лишь маяться от безделья, глядя на приготовления со стороны.

Когда Бесс поманила ее на кухню, Алиса решила, что ей дадут еще какой-нибудь снеди в дорогу, но с удивлением получила небольшой, с ладошку длиной, кинжал в потертом кожаном чехле.

– Что мне с ним делать? – спросила Алиса, и вдруг при этих словах перед глазами мелькнуло видение – нож, пронзающий плоть, горячая кровь на ладони. Когда-то нож ее спас.

– Защищаться, – ответила Бесс. – Парнишка-то с Бармаглотом повязан, вдруг да не сможет за тобой приглядеть.

Алиса ужаснулась при мысли о том, что Тесак может рухнуть посреди улицы, не в состоянии дать отпор и оставив ее совершенно беззащитной. А то и хуже – не отключится, а станет послушной марионеткой во власти Бармаглота и набросится на нее.

Бесс кивнула, и тут Алиса поняла, что та наблюдала, будто читая ее мысли – все было написано на лице.

– Вот потому и держи его всегда при себе, да будь наготове.

Это не прозвучало вслух, но Алиса поняла, хотя одна мысль, что может быть ей придется поднять руку на Тесака, привела ее в ужас.

– Положи-ка его в карман, – настаивала Бесс.

Алиса неохотно сунула ножик под куртку, надеясь, что при случае ей хватит духу им воспользоваться.

Приготовления были закончены, оставалось только ждать. Бесс устроилась у очага и принялась вязать шаль.

Управившись, Тесак зашагал по комнате, как тигр в клетке. Алиса лишь раз видела тигра: мать считала, что зоопарки только для простонародья. Когда Алисе было лет шесть или семь, одна гувернантка, которая была не в курсе маминого мнения, случайно устроила ей запретную вылазку. Вспомнилась давка в толпе зевак, ахающих и тычущих пальцами в горилл и змей из диких джунглей, тяжелый запах шерсти, сладость лимонного мороженого. Мороженое тоже было запрещенным лакомством, но Алиса не собиралась перечить гувернантке, раз уж та сама предложила запретные плоды.

К полудню от палящего солнца и толчеи у гувернантки разыгралась мигрень, порядком поубавив энтузиазма. Она стала резкой и раздражительной, потащив девочку за руку к выходу, но та вдруг вырвалась, увидев, как в одной из клеток мелькнуло что-то полосатое.

Алиса прошмыгнула под длинными, словно стволы деревьев, ногами взрослых, облаченных в шерсть и муслин, отдающих табаком и духами, и незаметно протиснулась к ограде, отделявшей людей от животных.

Огромный зверь на широченных лапах с жуткими острыми когтями вышагивал туда-сюда по клетке. Ее заворожили таинственные зеленые глаза, горящие яростью, и неукротимый нрав, так и не вытравленный служителями зоопарка. И тут отозвалось ее собственное строптивое сердце, затрепетав в груди, словно кролик под взглядом охотника.

– Алиса! – раздался резкий окрик, и гувернантка поволокла ее прочь, вцепившись в плечо.

Алиса дремала у очага, убаюканная ритмичными звуками шагов и монотонным позвякиванием спиц.

Кролик под взглядом охотника. И торт. Ей пригрезился кролик и торт. Торт. Вспомнилась его рассыпчатая нежность на языке. Сто лет не ела торта. В больнице ни о каких тортах и речи не было, только жидкая серая овсянка, постная как лица санитаров, разносивших ее по утрам и вечерам.

Дома торты подавали к чаю. На тарелке – целая пирамида из толстых желтых ломтей, покрытых глазурью всевозможных оттенков: розовой, голубой, фиолетовой. Мама разливала чай, и Алисе разрешалось выбрать один маленький ломтик, всего один – мама не одобряла сладостей.

Но было еще совсем другое чаепитие, когда Кролик разрешил есть торт сколько влезет. Алиса старалась не жадничать, но не могла скрыть удовольствия. Они сидели за столом с Дор и Кроликом и... кем-то еще. Там был кто-то еще, какая-то тень.

Набивая рот тортом, Алиса не разглядела его лица, а Кролик все смеялся и поглаживал белыми руками ее косу, приговаривая: «Милая Алиса. Кушай, будешь красивая и пухленькая. Милая Алиса. Алиса. Алиса».

Он хватает ее за волосы, запрокидывает голову назад, наматывая косу на руку, чтобы смотрела ему прямо в глаза, такие злые голубовато-зеленые («хотя должны же быть розовыми, ты знаешь, как у настоящего кролика»), дрожание век, рвущийся наружу стон, и окрик, резкий как удар кнутом: «Куда это ты собралась, милая Алиса? Алиса... Алиса...»

– Алиса, проснись.

Нетерпеливый голос Тесака, он трясет ее за плечи, но несильно, небольно. Без злости. Тесак никогда ее не обижал, как Кролик. Она открыла глаза и приподнялась, машинально ощупывая шею в поисках косы, но обнаружила лишь стриженный затылок.

– Алиса, нам пора, – сказал Тесак.

Он стоял у дверей, спрятав оружие под пальто и вскинув на плечо мешок с припасами.

– Не зови меня Алисой, – предупредила она, осторожно вставая и стряхивая остатки сна, пока не убедилась, что наваждение развеялось. – Мы же договорились, что я парень.

Она достала из кармана кепку – последний штрих нового образа, и натянула ее на голову. Заправляя розовый амулет под рубаху, Алиса ощутила тяжесть кинжала в кармане куртки.

– Как же мне тебя звать? – хмуро спросил Тесак.

– Алекс, – подсказала старушка. – Похоже на настоящее, так что ежели обмолвишься, глядишь, и не заметит никто.

– Алекс, – повторил Тесак, словно пробуя на вкус ее новое имя, и поморщился. – Не идет оно тебе, даже стриженной и в кепке.

– А попасть в лапы торговцам, коли не привыкнешь к ней, как к мальчишке, ей пойдет еще меньше, – съязвила Бесс. – Надевайте-ка плащи. Пора.

Плащ был толстый и колючий, но, завернувшись в него как следует, Алиса преобразилась, словно стала неуловимой тенью.

Бесс взяла Алису за руки.

– Помни, тебе дано больше, чем ты знаешь.

Потом потянулась и чмокнула ее в щеку. Алиса хотела поблагодарить, но к горлу подступил комок, навернулись слезы благодарности и смятения. Бесс отошла от нее, не дожидаясь ответа.

Старушка направилась к Тесаку. Он молча глядел сверху вниз на женщину, вложившую в него всю душу, и в эту минуту между ними словно что-то промелькнуло. Бесс обняла его за шею, но он так и не пошевелился, не обнял ее в ответ. Потом Бесс отступила назад, промокнув передником глаза.

– Остерегайся Бармаглота, – напутствовала она.

Тесак кивнул и двинулся к двери. Алиса застыла на месте. Сердце рвалось за Тесаком, но здравый смысл велел оставаться в безопасности. Тесак распахнул дверь, вопросительно оглянувшись на Алису.

– Алиса?

Алиса взглянула на Бесс, та стояла, не двигаясь с места, роняя слезы и будто сгорбившись сильнее прежнего. Не глядя на Тесака, она молча отвернулась.

– Алиса? – снова позвал он.

Алиса накинула капюшон, пряча лицо в тени.

– Алекс, – поправила она и скрылась в ночи следом за ним, притворив за собой дверь.

– Держись рядом, – велел Тесак.

– А далеко до этой улицы Роз? – спросила Алиса.

– День пути, а то и два, – ответил Тесак. – Она в самом центре Старого города. Туда напрямик не попадешь.

Алиса уже заметила извилистые кривые тропы вместо улиц и лабиринт переулков, их соединявших. Когда она решила поделиться своими наблюдениями с Теса, он только усмехнулся.

– Дело не в улицах, дорогуша, а в том, кто там заправляет.

– В смысле... бандитские шайки? – уточнила она.

Этот мир был ей мало знаком даже до больницы, хотя она припоминала брзжание отца по поводу воровских шаек, промышлявших в Старом городе. Они иногда устраивали вылазки на окраины Нового города, ускользая от патрулей, грабили зажиточных горожан и растворялись в Старом городе еще до объявления тревоги.

«Но это ведь было давно», – думала Алиса. Десять лет назад. Мир с тех пор изменился, даже если сама она осталась прежней.

Размышляя об этом, она сказала:

– Будет ли все так, как ты помнишь? Сколько времени прошло с тех пор.

Тесак едва заметно пожал плечами.

– Да я не особо-то и помню. Просто Бесс дала кое-какие наводки, вот и проясняется помаленьку.

Тут он замолчал, но Алиса его знала достаточно хорошо, чтобы заметить – о чем-то задумался. Чем это кончится, никогда не угадаешь, так что лучше его не трогать. Ночь выдалась студеная, и не будь на ней плаща, Алиса бы уже вся дрожала. Но несмотря на холод, было как-то душно, ни малейшего ветерка, словно город затих в тревожном ожидании.

Алиса догадывалась, в чем дело. Бармаглот нанес удар, и никто не знал, когда он нападет снова. Хотя никто кроме них с Тесаком и Бесс не представлял, что это за тварь, и не ведал о чудовище из ночных кошмаров, он явно совершил что-то ужасное. Нетрудно было догадаться, судя по рассказу Бесс и тому, что творилось с Тесаком. Да и большинство жителей Старого города наверняка почувствовали непривычную, зловещую тень, нависшую над ними.

Но несмотря на это, улицы не опустели. Здесь проворачивали множество темных делишек, и Алиса с Тесаком то и дело ловили на себе пристальные оценивающие взгляды.

Когда первый раз они повстречали пару громил, Алиса опустила голову и ускорила шаг, опасаясь, что в ней могут узнать девушку, и тогда очень вероятно повторится недавний ужас. От кошмарных предчувствий у нее будто заныли все синяки. Но, к счастью, все обошлось, и отойдя подальше, Тесак ухватил ее за локоть, развернув к себе.

– Не суетись, словно мышь, – сурово сказал он. – Не то они слетятся, как пчелы на мед.

– Я просто подумала...

– Знаю о чем, да и немудрено, хоть не твоя это вина. Только ты таким манером работоторговцев приманишь. Я-то тебя не брошу, само собой, покуда сил хватит, но лучше бы их поберечь, пригодятся еще.

Алиса пристыженно кивнула.

– Надо уметь за себя постоять.

– Для начала хотя бы не прячь глаза. Будешь держаться как пришибленная – точно пришибут, – посоветовал Тесак.

С тех пор Алиса старалась подражать походке Тесака – шаги широкие, тело напряжено, как сжатая пружина, всегда наготове. Головой он не вертел, но был настороже и не упускал ни единой мелочи. Он бы заметил любую угрозу, даже в сумраке или тумане.

Через несколько часов пути окраины Старого города остались далеко позади, речной смрад порядком ослабел, хоть и не развеялся окончательно.

Шли они то закоулками, то оживленными улицами. Тесак, похоже, знал дорогу, шагал целеустремленно, без единой заминки или раздумья, куда двигаться дальше. Алиса изо всех сил старалась не отставать, не быть обузой, но несмотря на вчерашний отдых, все тело ныло от усталости. Вскоре она совсем запыхалась, и у нее закружилась голова.

Алисе впервые стало стыдно и досадно за свою слабость. Все годы в больнице Тесак верил, что они выйдут на волю. Он тренировался, готовился к этому дню, хотя у него не было никаких причин надеяться.

Родных он не помнил, так что забрать его домой было некому.

У Алисы семья была, но она знала, что от родни помощи не видать. А Тесак был уверен, что однажды они выпорхнут из своих клеток, он не растерял свою силу и ловкость. Она, же, казалось, упустила свой шанс... в который раз. В ушах так и

слышалось ворчание Бесс.

Алиса поднажала из последних сил, но вскоре окончательно выдохлась и все сильнее отставала.

– Тесак, – взмолилась она таким слабым голосом, что сама удивилась, как он ее услышал.

Перед глазами все поплыло и, едва заметив, что он обернулся, она прислонилась к стене.

– Прости, прости, – пробормотал он, возвращаясь к ней, – давай-ка перекусим.

Не сходя с места, они уселись на землю. Тесак отломил добрый ломоть хлеба, которым снабдила их Бесс, и протянул половину Алисе.

– Я просто карту вспоминал и отвлекся, – объяснил он.

– Что еще за карта? – промычала она с набитым ртом.

Во рту пересохло, и хлеб с трудом лез в горло.

Тесак постучал по виску.

– Пытаюсь припомнить все границы. Даже если владельцы поменялись, территории наверняка прежние. Одного смотрящего вальнут – другой мигом товар приберет.

– Товар? – спросила Алиса.

– Территорию со всеми делами, – пояснил Тесак.

– Вот как.

Иногда Алисе казалось, что в Тесаке уживаются несколько личностей, по очереди прорываясь наружу. В больнице это не так бросалось в глаза, но здесь,

на воле, он менялся, словно прежний уличный бандит брал верх над тем, кем он стал теперь, причем безумие внутри охватывало обоих.

Завидев поблизости пару крыс размером с кошку, явившихся, видимо, на запах хлеба, Алиса застыла как изваяние в надежде, что они пробегут мимо. Крыс она терпеть не могла с самого детства, с тех пор как здоровенный грызун забрался к ним в дом и тяпнул ее во сне за лицо.

Она с визгом вскочила, и все домочадцы гонялись за крысой, пока не загнали в угол. Горничная, тоже Алиса, позже рассказывала, что «хозяин лупил эту мерзкую тварь палкой, пока от нее не осталось только мокрое место».

Алиса никак не могла представить, что ее благопристойный папенька в накрахмаленном галстуке и сверкающих очках способен на такое геройство, но тетка уверяла, что это чистая правда.

Доктор Хорнер, которого пригласили обработать ранку, заявил, что такое поведение для крыс вполне обычное дело: их привлекает запах еды, а от лица как раз едой и пахло. От укуса у Алисы остался маленький шрам, но теперь он исчез под длинным рубцом, избородившим всю щеку.

Тесак продолжал жевать, казалось, не замечая крыс. Осмелев, твари начали подбираться ближе, и Алиса от ужаса съежилась под плащом.

Когда одна крыса подползла к ногам Тесака, тот отшвырнул ее от себя с такой силой, что она с противным хрустом шмякнулась о стену напротив.

Другая крыса в тот же миг бросилась наутек, оставив бездыханного сородича валяться в пятне тусклого света газового фонаря возле подворотни. Алиса перевела дыхание и доела хлеб, хотя вид размозженных останков не добавил ей аппетита.

– Ну что, пошли? – спросил Тесак. – Я постараюсь идти помедленнее.

Алиса кивнула, они поднялись и продолжили путь по городскому лабиринту. Алиса только диву давалась, как Тесак определяет, где они находятся. Ей все эти улочки казались одинаково мрачными, грязными, провонявшими потом и

подгоревшей едой.

В Новом городе улицы были чистые, прямые, пересекались под определенным углом, и у каждой было красивое название: переулок Маргариток или Гераниевая улица. Бесс говорила, что Чеширский живет на улице Роз, но Алисе с трудом верилось, что там растут розы.

Сквозь тусклую пелену, окутавшую Старый город, едва проглядывало солнце. Да и вообще, как отличить улицу Роз от всех прочих, если нет ни одного указателя?

– Идти будем до самого рассвета, а там подыщем местечко и вздремнем пару часов.

– Не на улице? – с надеждой спросила Алиса.

Тесак покачал головой.

– Я разменял несколько золотых, так что можно снять комнату, не привлекая особого внимания.

– В гостинице, – размечталась Алиса, представляя мягкие пуховые перины и горничных, несущих подносы с чаем и булочками на завтрак.

– В этих краях гостиниц нет, по крайней мере там, куда мы идем, – мрачно сказал Тесак.

– То есть это не совсем гостиницы, – внезапно догадалась Алиса.

– Не совсем, – без дальнейших пояснений подтвердил Тесак.

Алиса подумала о том, сколько девушек пропадало каждый день в Старом городе, сколько семей оплакивало своих дочерей, не вернувшихся домой.

В тот день, когда нашлась Алиса, ее мама тоже плакала. Она сжимала дочь в объятиях и сквозь рыдания уверяла, что теперь все будет хорошо, ведь Алиса наконец дома.

Но что-то пошло не так, и вскоре мама перестала лить слезы счастья. Она начала резко одергивать Алису, требуя прекратить нести чушь о каком-то Кролике. В конце концов от любящей матери не осталось и следа, лишь раздраженная гримаса нетерпения. Так ей хотелось поскорее избавиться от паршивой овцы, нарушавшей идиллическую картину их дома.

Алиса волочилась за Тесаком, отчаянно мечтая передохнуть и с надеждой косясь на небо, силясь разглядеть там хоть малейший розовато-оранжевый проблеск зари. Она больше смотрела вверх, чем по сторонам, вот и не заметила дозора.

Но Тесак был начеку. Он ухватил ее за плечо и поволок в небольшой закуток возле сапожной мастерской.

– Впереди двое охранников. Мы уже добрались до красных улиц, а тут каждый главарь держит охрану, чтобы не подпускать конкурентов.

– Красных? – переспросила Алиса.

– Ага. В этом районе главари не просто прохлаждаются, собирая дань с лавочников. Здесь постоянная грызня не на жизнь, а на смерть, за каждую монету и пядь земли. – Тесак встряхнул Алису за плечи. – Если ты здесь отстанешь, или кто-нибудь пронюхает, что ты не парень, больше мы не увидимся.

Глава пятая

Алиса кивнула, пытаясь храбриться, хотя ее пробирала дрожь.

– Понятно.

– Пожалеешь, что выжила, – сказал он.

– Я помню, – едва слышно ответила она. – Помню, как уже жалела. Я буду рядом, и не как пришибленная. Стану тебе братом.

Тесак кивнул.

– Давай свернем плащи. Они бросаются в глаза, а нам лишнее внимание патрульных ни к чему.

Алиса без сожаления свернула плащ и поежилась. Потом плотнее запахла куртку, ощутив тяжесть ножа в кармане.

Тесак уложил вещи в мешок и заявил:

– Если придется объясняться, помалкивай, я сам.

Она вышла за ним на улицу, натянув кепку до самых глаз, и сунула руки в карманы, крепко стиснув рукоятку ножа. Улица перед ними казалась пустынной. Патрульных не было видно. Может, Тесаку в тумане померещилось.

Внезапно, словно по какому-то сигналу, из тьмы с двух сторон возникли два стража.

– Эй, парни, куда намылились? – спросил один из них.

Ростом он был чуть пониже Тесака, над бровью виднелось белое клеймо. Ночью оно резко выделялось на фоне темных волос.

Эти двое встали стеной перед Алисой и Тесаком, всем своим видом давая понять, что мимо них и мышь не проскочит без разрешения. Алиса с облегчением отметила, что ее тоже посчитали «парнем».

– Идем себе мимо, – ответил Тесак и посмотрел прямо в глаза человеку перед ним, не нагло, не вызывающе, просто... без робости.

Алиса решила, что лучше всего ему подыграть. Она подняла голову и посмотрела в глаза стоящему напротив. Он был примерно ее возраста, может, даже моложе. На лице корка грязи с какими-то рыжими пятнами, похожими на брызги крови. Пары нижних зубов недостает, в правой руке длинный нож. Мелькнула мысль, что со своим ножом она бы проиграла ему в поединке, у противника он был гораздо больше.

«А кто тебя заставляет устраивать поединок? – подумала она. – Найди местечко помягче и всади туда нож изо всех сил, как в прошлый раз».

От этой мысли она вздрогнула. В прошлый раз? Когда она спасалась от Кролика?

На мгновение она запуталась в собственных воспоминаниях и пропустила часть разговора между Тесаком и человеком с клеймом. В этой паре он явно был за главного. Придя в себя, она обнаружила, что обстановка накалилась, напряжение нарастало как раздувающийся мыльный пузырь.

Человек перед Алисой – «Щербатый» – крепче перехватил рукоять ножа. Алиса сделала тоже самое, нащупав нож в кармане. Другой – «Меченый» – ткнул пальцами Тесака в плечо:

– Куда прешь, спрашиваю. Без разрешения мистера Плотника никто по его улице не пройдет, а когда его нет, вопросы решаю я. Коли соображаешь, что к чему, отвечай да гони монету, глядишь, пропустим и шкуру особо не попортим.

Тесак молчал. Покосившись на него, Алиса заметила совершенно бесстрастное выражение лица и пришла в ужас от мысли, что в него вероятно вселился Бармаглот.

Меченый снова толкнул Тесака в плечо:

– Ты чего, дружок, совсем тупой?

Тесак медленно повернул голову, как механизм, Алиса однажды видела такого на прогулке со своей гувернанткой. Посмотрел на руку Меченого у себя на плече, потом в лицо его напарнику. Алиса ахнула:

– Тес, не надо! – но было уже поздно.

Никто не успел и глазом моргнуть, как в тусклом свете газовых фонарей мелькнул топор и вонзился Меченому в горло с такой силой, что голова запрокинулась назад, почти отделившись от тела.

Кровь фонтаном брызнула в лицо Алисе. На секунду все застыли, глядя, как тело Меченого, свесив голову под неестественным углом, заваливается назад.

Потом Щербатый открыл рот, и Алиса подумала: «Сейчас он поднимет тревогу».

Не дав ей даже додумать эту мысль, Тесак метнулся к Щербатому, ударил его ножом в живот и молниеносным движением распорол поперек. «Живот – мягкое место», – подумала Алиса, глядя на зияющую кровавую рану под ребрами.

Щербатый потрясенно уставился на них, хватаясь за живот. Рот его приоткрылся, но он не издал ни звука и вслед за своим приятелем повалился на землю, хрипя и корчась в агонии.

Тесак встал рядом с Алисой – в одной руке окровавленный топор, в другой нож.

– Так их бросать нельзя, – объяснил он, словно наставляя ученицу. – Дело надо доводить до конца, иначе в покое тебя не оставят.

Снова блеснул топор, и Щербатый затих. Тесак вытер лезвие о подкладку пальто, чтобы пятна крови не бросались в глаза. Алиса разжала пальцы в кармане и выпустила нож. Рука тряслась, и пришлось прижать ее к себе, зажав в кулак, чтобы унять дрожь.

– Валим отсюда, пока еще кого не принесло, – скомандовал он, схватил ее за плечо и поволок прочь от валяющихся тел.

– Я д-думала, он сейчас тревогу поднимет, – запинаясь пролепетала Алиса.

Тесак окинул ее суровым взглядом:

– Ясное дело, поднял бы. Алиса, тут горевать не о чем. Если бы я не завалил тех двоих, пришлось бы отбиваться от целой толпы.

– Да не в том дело, – объяснила она. – Я понимаю, они бандиты. Только...

– Только что?

– Зачем ты первого-то убил? Второй бы не стал шум поднимать, если бы ты его напарника не тронул.

Алиса сама удивилась тому, как сильно разозлилась, она просто кипела от гнева. Она и не помнила, когда в последний раз так сердилась, когда испытывала что-либо, кроме страха, смятения и холода.

– Сам не знаю, – признался Тесак. – Когда он начал меня тыкать, я совсем взбесился, просто не соображал, что творю.

– Ты же учил меня не привлекать внимания, – тихонько прошипела Алиса. Они оба невольно понизили голос, не желая поднимать лишнего шума, и так уже небось засветились. Тесак проворно нырнул в ближайший переулок, унося ноги подальше от злополучного места и продолжая путь к намеченной цели.

– Ага, было дело, – согласился он. – Твоя правда, маху дал. Ну, назад теперь не вернешь, да и рассвет уж скоро, давай присматривать, где передохнуть.

Полчаса назад Алиса все отдала бы за еду и теплую постель. Теперь кровь бурлила в ней так сильно, что она сомневалась, сможет ли заснуть.

– Куда ты меня ведешь? – спросила она.

Тесак искоса взглянул на нее.

– Знаешь, первый раз вижу, как ты злишься, Алиса. Вон, даже щеки порозовели.

Хоть Алиса и побаивалась в глубине души, понимая, как опасны внезапные порывы рядом с тем, кто только что совершил убийство без особой причины, но вдруг вцепилась ему в руку.

– Хватит со мной обращаться как с малым ребенком! – заявила Алиса, рывком разворачивая его к себе.

Он яростно сверкнул глазами, но быстро унял гнев, и она поняла, что он ее не обидит.

– Я знаю, что вела себя, как ребенок. Знаю, что со мной пришлось нянчиться. Но никак не пойму, зачем надо было убивать тех двоих. Я бы ни за что не смогла привлечь столько внимания, но расхлебывать все равно пришлось бы мне.

Не отпуская руку, тяжело дыша, она смотрела ему в глаза, а он стоял невозмутимый, как морская гладь перед бурей.

Наконец поднял руку и погладил ее по щеке со шрамом.

– Мы с тобой родственные души, – промолвил он, притягивая ее взглядом, словно восточный заклинатель змей. – Ты выполнишь свой долг, теперь я это ясно вижу. Но и я, Алиса, тоже выполню свой, и я на все готов ради тебя. Никто бы тебя не схватил, я бы ни за что не дал тебя в обиду.

Он отнял руку и отвернулся. Пальцы Алисы разжались сами собой, отпуская его. Она еще не совсем разобралась в том, что случилось, но ощутила какое-то опустошение, когда от гнева не осталось и следа.

Она шла рядом с Тесаком, не в состоянии описать неуловимую перемену в их отношениях. Лучи восходящего вдали солнца уже пронизывали туман, но были еще бессильны перед холодом и сыростью.

Не доходя до оживленной улицы с ее обычной утренней суетой, повозками и торговцами, раскладывающими свои товары, Тесак остановился, достал из кармана платок и смочил его слюной.

– У тебя кровь на лице, – заметил он, заботливо вытирая ее, словно мать, готовящая ребенка к воскресной службе.

– И у тебя, – ответила она и взяла у него платок.

Она впервые по-настоящему рассмотрела его без этой жуткой бороды, наконец заметила впалые щеки, мешки под глазами. Он был одержим также, как она, только не знал имени своего мучителя. Может, это и к лучшему? Легче становится или тяжелее, когда узнаешь, кто тебя преследует в кошмарных снах?

Тесак указал на пивную через дорогу от них, и они перешли на ту сторону. Народ, спешивший по своим утренним делам, не обращал на них внимания. Навстречу из дверей вывалились несколько подвыпивших парней. Тесак проскользнул мимо них и вошел внутрь, а за ним шурящаяся в сумраке Алиса.

Мужчина средних лет протирал длинные деревянные столы замызганной тряпкой, а его ровесница собирала в ведро тарелки с кружками. Лица у обоих были усталые, пальцы узловатые от постоянного тяжелого труда. Женщина помоложе, даже младше Алисы, лениво возила по полу шваброй.

Услышав скрип двери, мужчина глянул на Алису с Тесаком и нахмурился.

– Закрыто, – выпрямляясь, объявил он. – Последних забулдыг вон только что еле выставил.

Тесак молча направился к малость набычившемуся хозяину. Алиса заметила, что несмотря на возраст, его руки оставались крепкими и мускулистыми.

– Говорю же – закрыто, – повторил он.

Тесак положил на стол две сверкающие серебряные монеты. Девица перестала изображать видимость работы и с завистью наблюдала за происходящим.

– Нам нужна комната на день, – мирно сказал Тесак, но Алиса заметила, что у него как бы невзначай немного распахнулось пальто.

Трактирщик мельком взглянул на топор у него за поясом и позвал:

– Долли!

Девушка со шваброй, вздрогнув, задела ведро, из которого на пол выплеснулась грязная вода.

– Ступай на кухню, возьми себе пирога на завтрак и можешь быть свободна, – приказал он.

Долли охотно подхватила ведро, явно довольная, что не придется доделывать свою работу, но на полпути к кухне остановилась, глядя то на Алису с Тесаком, то на хозяина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/genri_kristina/alisa

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)